

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: СОБЫТИЯ И ПРОЕКТЫ

Т. С. ПАНИОТОВА, А. В. КОРЕНЕВСКИЙ

(НЕ)СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ И СУЖДЕНИЯ О ПРАГМАТИКЕ УТОПИЙ*

В статье рассматриваются итоги Второй Всероссийской (с международным участием) конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)», состоявшейся в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону) 6-8 ноября 2018 г.; представлен широкий круг проблем, отраженных в докладах, дискуссиях и круглых столах, прошедших в рамках конференции.

Ключевые слова: *утопия и утопизм, утопические проекты, дистопии, ретроутопии и антиутопии, прогнозирование и футуризм*

Любая общность, любая раса, любая цивилизация, которая не стремится поймать будущее и повлиять на него, обречена превратиться в прах, остаться в прошлом.

Рэй Бредбери

В диалоге со временем, который вела утопия в нашей стране, ее голос звучал в разных регистрах. Вначале громко и торжественно, когда она, хоть и в урезанном виде (утопический социализм), была “вознесена на пьедестал” и объявлена одним из источников марксизма. В соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды имена выдающихся представителей утопического социализма были начертаны на «Памятнике-obeliske выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся». Затем ее голос зазвучал тише, потому что утопия оказалась неугодной сталинскому режиму (хотя труды предшественников научного социализма продолжали издаваться и изучаться, в первую очередь, представителями школы акад. В.П. Волгина). Во времена “оттепели”, а затем и “перестройки” утопии был вынесен суровый приговор как “спутнице тоталитаризма” и раздались звуки “реквиема по утопии”¹. Такая ситуация предопределила ее дальнейшую судьбу и характер исследовательского мейнстрима. Между тем, еще в конце 1980-х – начале 1990-х появились работы, претендовавшие на переоценку роли утопии². Это были значимые, хотя и робкие попытки восстановления исторической справедливости.

*Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-20114.

¹ Название одной из рецензий на повесть А. Платонова «Котлован»: Малухин 1987.

² Batalov 1989; Чаликова 1994.

На Западе также существовала определенная цикличность в отношении утопии. Вслед за массовыми протестами 1960-х гг. в Беркли, Мехико и Париже, нередко проходившими под лозунгами Утопии («Будьте реалистами – требуйте невозможного»), наступили иные времена, когда казалось, что утопия окончательно выброшена «в сундук», как неспособная дать ответ на новые вызовы, и когда всякая попытка новой утопии отсылала лишь к грустной реальности осуществленных утопий или антиутопий (Ф. Аинса).

Однако присущее Современности стремление мечтать о лучшем будущем пробивало дорогу, порождая все новые утопические импульсы, а соответственно, и расширение спектра теоретической рефлексии. «Искатели утопии» писали научные труды и оформлялись институционально. Так, в 1975 г. в Северной Америке появилось на свет *The Society for Utopian Studies (SUS)*, а в 1988 г. группой британских ученых было создано *Utopian Studies Society – Europe (USS)*. На счету этих организаций – ежегодные научные конференции, собирающие исследователей утопии со всего мира, а также издание научного журнала *Utopian Studies*, информационного бюллетеня *Utopus Discovered* и многочисленных трудов известных ученых. Среди последних проектов хочется выделить *Трансатлантическую сеть по изучению утопий*, созданную учеными из Аргентины, Бразилии, Мексики и Испании в 2015 г., а также португальский проект *Utopia500*, возникший на волне подготовки XVII Международного конгресса Европейского общества исследователей утопии «500 лет утопий: мир идет туда, куда мы его ведем». Цель проекта Утопия500 – играть активную роль в реализации и распространении утопических идей во всем мире как движущей силы социальных изменений и источника вдохновения для инноваций в науке и технике. Он предполагает максимально широкий спектр утопических исследований, включающих пан-утопию (решение проблемы голода в мире), экотопию, популяризацию наследия великих утопистов, утопический дискурс мультикультурализма и популяризацию “утопического города” Валонгу, которому отводится роль площадки всевозможных утопических практик. Следует отметить также деятельность Группы HISTOPIA Автономного университета Мадрида, которая разрабатывает проект «История будущего: утопия и ее альтернативы в горизонтах ожидания современного мира (XIX–XXI вв.)», ставящий целью распространить область исторических исследований на будущее, начав с изучения разнообразных форм, которые прогноз будущего принимал в эпоху Модерна.

Стремление приоткрыть завесу грядущего, поразмышлять о том, какое будущее ожидает человечество, стало и основной причиной созыва конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)». Это уже Вторая Всероссийская (с

международным участием) конференция, организованная ЮФУ и посвященная утопии. Первая прошла в 2016 г. и стала частью масштабного международного празднования 500-летнего юбилея «Утопии»³. Нынешняя конференция собрала около 150 участников со всей России и 10-ти стран мира: Великобритании, Испании, ФРГ, Бразилии, Молдовы и др. Российские участники представляли более 40 городов нашей страны: Москву (МГУ, МГИМО, РУДН, ВШЭ, и др.), Санкт-Петербург, Казань, Севастополь и Симферополь, Екатеринбург, Магнитогорск, Астрахань, Иркутск, Вологду, Мурманск, Нальчик и др.

Мотивацию организаторов этой конференции, равно как и откликнувшихся на их зов исследователей утопий и утопизма, их убежденность в необходимости изучения данного феномена интеллектуальной культуры нового и новейшего времени, очень точно и емко выражают слова из рассказа Р. Брэдбери «Конвектор Тойнби», взятые в качестве эпиграфа к данной статье. Напомним: в первоисточнике эта фраза вложена в уста главного героя, объясняющего, почему он назвал свою машину времени именем А.Дж. Тойнби. По его мнению, именно к этому сводится главная идея всех сочинений историка, и именно это он хотел доказать современникам, приоткрыв завесу будущего. И хотя в финале рассказа выясняется, что герой оказался мистификатором, как раз его «возвышающий обман», по мысли Брэдбери, привел человечество к светлому будущему. Каков же смысл этого сюжета, и при чем тут Тойнби? Ответ кроется в датировке рассказа: 1984 – это год другого несбывшегося пророчества и название знаменитой дистопии Дж. Оруэлла. Тем самым Брэдбери хотел сказать: пусть не все прогнозы Тойнби сбываются, но, быть может, его предостережения в каком-то смысле уберегли мир от будущего, предсказанного Оруэллом? Таким образом, великий фантаст высказал мысль, очень близкую организаторам конференции: утопист – не «мечтатель», а реальный участник созидания будущего, фактически – его проектировщик. И поэтому важно было рассмотреть утопию не как "музейный объект", а как живую реальность, связанную с надеждами на поиск лучшего мира; протянуть связующую нить от книги Кампанеллы в ее историческом контексте к современным проекциям утопического импульса, проходящим через философский и лингвистический анализ понятия утопия, социальные, политические, культурные практики. Все сказанное предопределило как тематику пленарной сессии, так и содержание докладов, заслушанных на пяти секциях: «Утопия и современные социокультурные практики», «Проблема идеального общества в политической истории», «Идеальные пространства в

³ Празднование 500-й годовщины «Утопии» Томаса Мора освещалось журналом «Вопросы философии» (2017, № 11: Т.С. Паниотова «“Утопия” после смерти утопий»; Хуан Про «Прочтения Томаса Мора: рефлексия из Испании»).

архитектуре, искусстве и литературе», «Философские аспекты утопизма», «Утопические идеи и эксперименты в истории культуры».

В пленарных докладах Президента *USS*, профессора Лондонского университета Г. Клейса и заслуженного деятеля науки, проф. Г.В. Драча внимание было уделено роли личности в истории и истории общественной мысли. Г. Клейс посвятил свой доклад учению К. Маркса и обоснованию его актуальности для понимания ситуации в современном мире, а Г.В. Драч сосредоточился на личности Кампанеллы, показав ее многогранность и противоречивость. Доклад проф. Т.С. Паниотовой был посвящен рассмотрению архетипа города в истории утопической мысли, взаимосвязи между социальной утопией и архитектурой. Профессор факультета изящных искусств Барселонского университета Р. Иглесиас связал идеи трансгуманизма с технологическими дистопиями в современном искусстве. В докладе проф. В.Д. Бакулова были рассмотрены философско-методологические основы утопии и утопизма.

Идеи пленарных докладов на секциях получили дальнейшую конкретизацию, обросли интереснейшими дискуссиями. Творчество выдающихся представителей утопического жанра и концепции мыслителей, в чьих трудах прослеживается утопическая составляющая, были проанализированы в докладах «Манифест – утопия и реальность» В.Е. Барышевой и Л.В. Желондиевской (Москва), посвященном Ф. Маринетти; социальной утопии К.Э. Циолковского и коммунитарным экспериментам В. Круассака посвятил свои сообщения А.В. Хорунжий (Москва). Панславистская утопия М.П. Погодина получила освещение в выступлении О.О. Завьяловой (Ростов-на-Дону), а христианский социализм В.Ф. Эрнэ – в докладе Н.А. Шестовских (Екатеринбург).

Около 20 докладов в той или иной степени были посвящены «городской теме». На секционных заседаниях она получила продолжение и развитие в выступлениях Т.Б. Батыр (Республика Молдова) «Город Солнца и Город Рассвета: утопия и реальность», В.О. Хвостиковой (ЮФУ) «Дезурбанизм М. Охитовича в контексте градостроительных дискуссий 20–30-х гг.», С.Л. Андреевой (Магнитогорск) «Хрустальные дворцы для всеобщего счастья: объективация идеи идеального дома для идеального будущего», А.В. Козловой (Санкт-Петербург) «Ребячий город солнца: ретроспективное перепроизводство утопических проектов советских пионерских лагерей Артек и Орленок в интерпретации их участников (1957–1991)», Д.А. Рубана и Т.К. Молчановой (ЮФУ) «Современная гостиница – городская утопия?»; и др.

Поднятые в докладе Р. Иглесиаса проблемы современной культуры и искусства вызвали живой интерес как у маститых ученых, так и у участников молодежного форума. Проф. О.А. Джумайло и М.А. Романенко (ЮФУ), Е.Н. Антипкина (Саранск) говорили об утопиях в кинематографе; доц. М.В. Покотыло (РГУПС, Ростов-на-Дону), А.В. Маль-

цев, И.А. Черненко – в литературе, И.К. Забубенина – в хореографии. Задача состояла не только в том, чтобы исследовать различные формы утопического импульса в пространстве культуры, но и в том, чтобы показать его "альтер-эго" – дистопии, ретроутопии и антиутопии. На молодежном форуме явно обозначился поворот к анализу идейных основ современного антиутопизма, а именно, к философии и психологии трансгуманизма (И.О. Зимица «Киберпанк как разновидность антиутопии», М.С. Желтикова «Образы постчеловека в дистопиях современного кино», А.О. Зуева «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»).

Не меньший, а возможно и больший интерес, чем антиутопическая тематика, вызвали доклады, связанные с современной информационной культурой. Бурное обсуждение докладов «Проблема идентичности в культуре: Инстаграм как современная утопическая практика» (Е.А. Благородова, ЮФУ), «Город Солнца в game пространстве: мифология компьютерных игр» (С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов, Саратов) показало, насколько злободневна эта проблематика.

Чрезвычайно широкими оказались тематические и хронологические рамки секции «Проблема идеального общества в политической истории», что, в общем-то, вполне закономерно: политическая теория и практика представляют собой ту сферу мысли и действия, в которой утопическое сознание находит едва ли не самое широкое поле для своего развития. Если в выступлении А.В. Трухана («Утопия в структуре европейского идеократического сознания») была задана теоретико-методологическая рамка обсуждения, то последующие доклады погружали аудиторию в самую разную, подчас экзотическую, проблематику, обнаруживая неожиданные переключки. В докладе А.В. Корневского (Ростов-на-Дону) речь шла о наследии польского философа Августа Цешковского, причисляемого и к мыслителям-утопистам, и к предтечам цивилизационного подхода. Византийская тема оказалась связующим звеном между рядом докладов. Н.Д. Николаева попыталась выявить и проанализировать соотношение идеологических императивов и *Realpolitik* в том курсе, который проводили ромеи по отношению к Западу накануне IV Крестового похода, А.А. Кириллов представил Византию не в качестве политического актора, а как объект мифологизации и утопический паттерн. Созвучные мотивы прозвучали и в докладе А.Д. Тумина, посвященном испанской концепции христианской государственности.

Проблема утопизма (осуществимости идеала) в политической теории и социальной практике стала связующим звеном между докладами, посвященными современности. М.К. Мальхиным были рассмотрены представления В.М. Чернова об этатизме как системообразующем элементе лево- и праворадикальных идеологий; Е.А. Боднар представила свое видение иронической рефлексии в "либеральной утопии" Р. Рорти; в докладах Д.В. Балашова и С.В. Виноградова было представлено соот-

ношение “утопических”, “реалистических” и “конструктивистских” аспектов в теориях справедливости А. Сена, Дж. Ролза и Дж. Коэна.

Политические проблемы обсуждались и на философской секции. Проф. Н.В. Литвак (Москва) в своем докладе о философских основах внешней политики в классических утопиях подчеркнул, что и сегодня во многом гуманистические принципы внешней политики классиков-утопистов критически не переосмыслены и должным образом не концептуализированы. Доклад А.М. Орехова (Москва) вызвал дискуссию: умерла ли утопия в связи с утратой идеалов в постсоветский период или она продолжает жить? модифицируясь и трансмутируясь в другие жанры? Е.В. Золотухина (Ростов-на-Дону) объяснила разницу в представлениях об идеальном обществе Т. Кампанеллы и Э. Фромма не только различием исторических условий, но и несходством «мировоззренческих установок на созерцательность или активизм».

Показателен позитивный настрой по отношению к утопии, присутствовавший не только в теоретических докладах, но и в характеристике различных утопических практик. При этом разброс научных интересов оказался крайне широк. От трактовки женской идентичности в контексте утопического дискурса (А.Ю. Браерская) – до утопизма олимпийского проекта П. де Кубертена (М.А. Богданова, ЮФУ), проектов музеефикации в «утопической России» (О.С. Кириллова, ЮФУ) Ростов-на-Дону и анализа перспектив создания «музея коммунизма» в конкретном локусе среднерусской провинции (Л.М. Ретинский, Москва).

Если сосредоточиться на том, что вызывало наиболее живой отклик, то можно констатировать: стержнем дискуссий была проблема многозначности самого понятия “утопия”, в силу чего оно одновременно обладает и огромным эвристическим потенциалом, и неопределенностью. Как верно заметил в своем выступлении на заключительном пленарном заседании Г. Клейс, понятие “утопия” – “very elastic and flexible”.

В первую очередь это связано с тем обстоятельством, что со времен Т. Мора и Т. Кампанеллы утопизм как способ мышления преодолел границы литературного жанра, разлившись по всей западной культуре, что и продемонстрировали доклады, представившие различные формы бытия утопии в культуре. На протяжении столетий утопия подпитывала и пропитывала другие жанры, что позволяет говорить об утопическом романе, утопической поэзии, утопическом театре, находить утопическое измерение в книгах путешествий и научной фантастике. Утопические идеи воплощались в политических и общественных движениях, экспериментальных сообществах, архитектурном и городском дизайне, изобразительном искусстве, музыке, кино и видеоиграх, различных системах образования. И эту тему, столь актуальную для преподавательского сообщества, не обошли вниманием участники конференции (Л.Е. Яковлева, Москва; К.В. Савельева, Ростов-на-Дону).

Известно, что один из самых жестких и последовательных критиков гумбольдтовской системы университетского образования Роберт Мэйнард Хатчинс считал, что главным ее пороком является чрезмерная заземленность на сиюминутных утилитарных интересах “заказчиков” образования – государства, промышленности, бизнеса. В таком университете получают образование, ориентированное не на завтрашний, а на сегодняшний день, если не на вчерашний день. Из-за отсутствия стратегического видения такое образование не оправдывает даже возлагаемых на него задач. Альтернативную модель высшего образования, нацеленную на воспитание ответственных критически мыслящих граждан и лидеров общества, Хатчинс назвал «Университетом Утопии»⁴. И он смог, будучи канцлером Чикагского университета, реализовать свои идеи на практике, именно потому, что сам был харизматическим лидером, обладающим даром предвидения. Обратим внимание на совет читателям книги Хатчинса, данный одним из ее рецензентов: «Читайте “Университет Утопии” так же, как вы читали бы Ветхий Завет. Сфокусируйте свое внимание на значительных и масштабных вопросах. Воздержитесь от искушения заняться буквальным разбором деталей. Это поэзия, прощество и драма, а не докторская диссертация»⁵.

Каково современное понимание утопии? Исследовательские кейсы, ставшие объектом рассмотрения и обсуждения на секционных заседаниях, позволили вычлнить как минимум три смысловых контекста, в которых фигурирует понятие “утопия”. С одной стороны, под ним понимают те идеи, которые в принципе неосуществимы, поскольку содержат неразрешимое противоречие, не соотносятся с реальным положением дел, либо вступают в конфликт с фундаментальными природными и социальными законами: вечный двигатель, “свобода, равенство, братство”, мечта о единении славянских народов, “догнать и перегнать Америку”. На уровне обыденного словоупотребления понятие “утопия” в этом смысле легко встраивается в один синонимический ряд с тем, что именуется фантазерством, маниловщиной. Но при кажущейся простоте и очевидности такого суждения здесь есть свои подводные камни, ибо на знаменитое суждение помещика из села Блины-Съедены «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» можно ответить ставшими поговоркой словами из «Бондианы»: «никогда не говори “никогда”».

С другой стороны, наклейку “утопия” очень часто навешивают на любую идею, которая очерчивает желаемый образ будущего и не вполне безупречно подкреплена (или вовсе не подкреплена) убедительными аргументами. Но в данном случае либо следует признать, что это не вполне утопия, либо – что такие “утопии” играют огромную роль в ис-

⁴ Hutchins 1953.

⁵ Pattillo 1955. P. 242.

тории и познании. Как минимум потому, что подобный подход лежит в основе любой технологии проектирования: суть проектного мышления заключается в том, что проектант должен показать, что и почему его категорически не устраивает в окружающей действительности, далее – противопоставить этому картину желаемого будущего и, наконец, предложить маршрут, по которому из первой позиции можно переместиться во вторую. Но отчасти именно поэтому идеи такого рода обладают колоссальной мобилизующей и вдохновляющей силой, даже если на самом деле по всем “объективным показателям” они нежизнеспособны. Эгалитарный идеал более всего заслуживает наименования утопии, но история показывает, что в сочетании с идеологией “осажденной крепости” он может реализовываться на практике и воплощаться в достаточно устойчивые (до поры до времени) социальные структуры – тому подтверждением служат Спарта, исмаилитское государство в Бахрейне, Советский строй (на раннем его этапе), израильские кибуцы и т.д. – список может быть продолжен сколь угодно долго.

Тревогу вызывает то, что ярлык утопии чаще всего навешивается едва ли не на любой нереализованный проект на том «простом» и «очевидном» основании, что он *не воплощен* в жизнь, а значит *и не мог быть* воплощен. Подобные суждения – из той же филистерской оперы, что и пресловутое «сослагательное наклонение», которого якобы “не знает история”. (Хотя, в действительности, М.В. Нечкина, которой приписывают эти слова, писала, что «историку запрещено сослагательное наклонение»⁶, как бы предлагая – *sapienti sat* – догадаться, кем запрещено.) Пожалуй, стоит согласиться с В.Г. Хоросом: «Такой подход, по сути, убивает историю как науку. Ведь если историк лишь констатирует то, что было, и задним числом подыскивает этому объяснение, то он покидает почву научного анализа и становится пассивным регистратором событий, если не их апологетом»⁷. На самом деле, наше высокомерие по отношению к предкам и предшественникам основано лишь на том банальном факте, что в отличие от них, рассуждая о том или ином событии прошлого, мы знаем, чем дело закончилось. И именно это знание мешает нам понять степень вероятности того или иного сценария развития событий, а соответственно – степень “реализма” или “утопизма” тех или иных идей, замыслов, проектов. Чтобы понять, где же критерий отличия утопий (точнее – утопичных замыслов) от нереализованных (но потенциально вполне реалистичных) проектов, следует помнить о гениальном методологическом принципе, сформулированном Марком Блоком: «Историк, спрашивающий себя о вероятности минувшего события, по существу лишь пытается смелым броском мысли перенестись во вре-

⁶ Нечкина 1975. С. 345.

⁷ Хорос 1996. С. 153.

мя, предшествовавшее этому событию, чтобы оценить его шансы, какими они представлялись накануне его осуществления»⁸. Пожалуй, данная рекомендация пригодна не только для историка, а тема, раскрывающаяся за этими словами столь широка, что еще не одна когорта исследователей, принадлежащих к самым разным гуманитарным цехам, найдет здесь поле для приложения своих сил.

Какова роль утопии в современном обществе? Здесь стоит вспомнить, как Оруэлл определял мотив своего творчества: «Желание подтолкнуть мир в определенном направлении, изменить мысли людей относительно того общества, к какому они должны стремиться»⁹. Эти слова ценны тем, что в них содержится принципиально важное методологическое соображение о природе утопий и отношении к ним: не стоит путать пророчество с метеопрогнозом и ожидать стопроцентного подтверждения предсказаний. Суть утопии – не в конкретных деталях, а в устремленности к идеалу, в задаваемом этим идеалом векторе и широте видения перспективы будущего. И в этом смысле идеал не может не быть утопичным, а утопия – не иметь практической пользы, поскольку то, что зачастую выдается за реализм, на деле оказывается неспособностью к стратегическому мышлению.

Итоги конференции позволяют с уверенностью дать положительный ответ на вопрос, вынесенный в заголовок одного из докладов: «Утопия как философский и литературный жанр: вернется ли она в Россию?». Утопия вернулась, и у нее есть своя аудитория, свои исследователи и даже, в некотором смысле (насколько личная увлеченность сочетается с требуемой от ученого отстраненностью и беспристрастностью), адепты. В свое время Ф. Полак сказал, что утопия не формулирует последних и предельных вопросов. В крайнем случае – она ограничивается предпоследними. Организаторы конференции уверены, что запланированная на 2020 год очередная, III Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Утопические проекты в истории культуры», также не будет последней.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко, прим. и статья А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Малухин В. Реквием по утопии // Знамя. 1987. № 10. С. 219-221.
- Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. Изд 2-е, перераб. и доп. М.: Мысль, 1975. 398 с.
- Оруэлл Дж. Почему я пишу // Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии / Пер. с англ. А. Старикова. Пермь: «КАПИК», 1992. С. 17-19.
- Чаликова В.А. Утопия и свобода: Эссе разных лет. М.: Весть, 1994. 184 с.

⁸ Блок (1986). С. 71.

⁹ Оруэлл (1992). С. 10.

- Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1996. 171 с.
- Hutchins R.M. The University of Utopia. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 103 p.
- Pattillo M.M. Rev.: Robert M. Hutchins. The University of Utopia. Chicago // The Journal of Teacher Education. 1955. Vol. 6. No 4. P. 241-242.

REFERENCES

- Batalov E.Y. V mire utopii: Pyat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentakh. M.: Politizdat, 1989. 319 s.
- Bloch M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika / Per. E.M. Lysenko, prim. i statya A.Y. Gurevicha. M.: Nauka, 1986. 256 s.
- Chalikova V.A. Utopia i svoboda: esse raznykh let. M.: Vest', 1994. 184 s.
- Horos V.G. Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveschenii. M.: Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya, 1996. 171 s.
- Hutchins R.M. The University of Utopia. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 103 p.
- Malukhin V. Requiem po utopii // Znamiya. 1987. No 10. S. 219-222.
- Nechkina M.V. Den' 14 dekabrya 1825 goda. Izd. 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Mysl', 1975. 398 s.
- Orwell G. Pochemu ya pishu // Orwell G. Esse. Statyi. Retsetsii / Per. s angl. A. Sterikova. Perm': "КАПИК", 1992. S. 17-19.
- Pattillo M.M. Rev.: Robert M. Hutchins. The University of Utopia. Chicago // The Journal of Teacher Education. 1955. Vol. 6. No 4. P. 241-242.

Паниотова Таисия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук, Южного Федерального университета; tspaniotova@sfedu.ru

Корневский Андрей Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений Южного Федерального университета; koren@sfedu.ru

(Un)timely thoughts and judgments about the pragmatics of utopias (review of the scientific conference)

The article deals with the results of the Second All-Russian (with international participation) conference "Utopian projects in the history of culture" on the topic "City of the Sun": in search of the ideal locus "(for the 450th anniversary of the birth of Tommaso Campanella)" held at Southern Federal University (Rostov-on-Don) November 6-8, 2018 with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research; a wide range of issues reflected in the presentations of participants, discussions and round tables held during the conference is presented and analyzed.

Keywords: utopia and utopianism, utopian projects, dystopias, retrotopias and dystopias, forecasting and futurism

Taisiia S. Paniotova, Dr.Sc. (Philosophy), Full Professor, Department of culture, ethics and aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); tspaniotova@sfedu.ru

Andrey V. Korenevskiy, PhD in History, Associate Professor, the Head of Department of Russian Medieval and Modern History at Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); koren@sfedu.ru